

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 81'255.2

DOI: 10.17223/23062061/18/1

К.И. Шарафадина

ТЕКСТОВЫЙ СЕМИОЗИС ЭТНОФИТОНИМИКИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ТУРГЕНЕВА)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о культурологической переводимости этнофитонимики – используемой в художественных произведениях растительной лексики, имеющей ярко выраженный национальный колорит. Представлен обзор переводческих версий этнореалий (в основном на английский язык) из произведений И.С. Тургенева (рассказов из цикла «Записки охотника»: «Свидание» и «Касьян с Красивой Мечи», романа «Дворянское гнездо»). Ставится вопрос о системной текстовой стратегии, которой должен придерживаться переводчик, сталкиваясь с переводом национальных реалий. Она предполагает учет при переводе этнореалий, текстовый семиозис которых отличается латентностью и пролонгированностью контекстно-композиционного окружения, диктующего стилевую доминанту.

Ключевые слова: теория и практика художественного перевода, этнофитонимика, лингвоэтническая асимметрия, культурологическая переводимость, культурная трансформация и адаптация.

В теории перевода в последнее время обострился интерес к проблеме лингвоэтнического барьера и способов его нейтрализации [1–5]. Еще И.-В. Гёте, рассуждая о принципах художественного перевода, предлагал два пути: «...один требует переселения автора к нам – так, чтобы мы могли видеть в нем соотечественника; другой, напротив, предъявляет к нам требование – самим отправиться к этому чужеземцу и применяться к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям» [6. С. 17]. И в том и в другом случае возникает необходимость нейтрализации лингвоэтнического барьера, создаваемого различиями национальных культур.

Но на этом пути неизбежна культурная трансформация. Одной из причин переводческих неудач исследователи называют неправильный выбор баланса, что оборачивается либо недостаточной, либо излишней культурно-прагматической адаптацией текста оригинала. Наибольшие трудности у переводчика вызывают лексемы с ярко выраженным «этническим фоном», обозначающие уникальные понятия, отображающие культурную ментальность. Внимание привлекает, в частности, этноботаническая народная таксономия, предмет изучения этноботаники, которая представляет «определенный способ видения культуры, а именно... сквозь призму мира растений» [7. S. 5], и этнолингвистики, исследующей интерпретацию флоры традиционной культурой, включая диалектные фитонимы, или этнофитонимы.

В этой статье мы проанализируем конкретные примеры переводов на английский язык этноботанической топики из рассказов И.С. Тургенева «Свидание» и «Касьян с Красивой Мечи» (из цикла «Записки охотника») с точки зрения обоснованности ее культурной трансформации и адаптации герменевтической поэтологией переводимого текста.

Название рассказа «Свидание» отражает его фабульную ситуацию: молодая крестьянка Акулина пришла поздней осенью в березовую рощу на последнее свидание с соблазнившим ее камердинером богатого барина, уезжающим вместе с хозяином в Петербург. Рассказчика-охотника она поразила необыкновенной трепетной одухотворенностью своего облика: «Я вгляделся: то была молодая крестьянская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво потупив голову и уронив обе руки на колени; на одной из них, до половины раскрытой, лежал густой пучок полевых цветов и при каждом ее дыханье тихо скользил на клетчатую юбку. <...> Она, видимо, ждала кого-то; в лесу что-то слабо хрустнуло: она подняла голову и оглянулась. <...> в прозрачной тени быстро блеснули передо мной ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани» [8. С. 242–243].

Обратим внимание на цветочный мотив в ее портретировании: он гармонично вписывается в облик Акулины и вторит малейшим

нюансам ее поведения и смены эмоций: «Несколько мгновений прислушивалась она, не сводя широко раскрытых глаз с места, где раздался слабый звук, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже наклонилась и принялась медленно перебирать цветы» [8. С. 242–243].

Разговор Акулины с пришедшим на свидание Виктором в определенный момент касается цветов: «Что это у тебя, – прибавил он, придвинувшись к ней, – цветы? – Цветы, – уныло отвечала Акулина. – Это я полевой рябинки нарвала, – продолжала она, несколько оживившись, – это для телят хорошо. А это вот череда – против золотухи. Вот поглядите, какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала. Вот незабудки, а вот маткина-душка... А вот это я для вас, – прибавила она, доставая из-под желтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой, – хотите?» [Там же. С. 245].

Крестьянскую девушку Тургенев недаром наделил цветолюбием и травознанием. Они – естественное продолжение присущей ей внутренней одухотворенности, способной живо и непосредственно откликаться на окружающую ее неброскую красоту родной природы. В ее пояснениях незамысловатые полевые цветы и травы представлены образно-эмоциональными диалектными фитонимами: полевая рябинка, маткина-душка, чудный цветик, голубенькие васильки.

Свой перечень девушка-крестьянка начинает и заканчивает выразительными метафорическими простонародными (обыденными) названиями растений: «полевая / желтая рябинка» и «маткина-душка». Пояснения Акулины свидетельствуют о несомненном знакомстве писателя с этноботаническими фитонимами. Приведем и другие примеры из «Записок охотника». В рассказе «Льгов», описывая прибрежную растительность, Тургенев упомянет «густой тростник» и посчитает нужным дать читателю этноботаническое пояснение, связанное с родной для него Орловщиной: «Льгов – большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий

пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому – майером» [8. С. 245]. В рассказе «Бежин луг» тоже есть отсылка к орловскому наречию, связанному с речной растительностью: «– Во-вон, в камыши полез, – прибавил он, прислушиваясь. Камыши точно, раздвигаясь, “шуршали”, как говорится у нас» [Там же. С. 102].

Под псевдонимом «полевая / желтая рябинка» скрыто травянистое растение лесной и лесостепной зоны пижма (*Tanacetum vulgare*), произрастающее в луговых степях и берёзовых лесах, на суходольных лугах, по дорогам, полям, межам, в кустарниках и на опушках. В романе «Дворянское гнездо» (1859) в XVIII главе она также будет упомянута писателем под этим привлекательным именем как растительная примета национального тоposa – степного пейзажа, недаром навеявшего на Лаврецкого давние воспоминания, в частности о матери и отце:

...Лаврецкий глядел на пробегавшие всером загоны полей, на медленно мелькавшие ракиты, на глупых ворон и грачей, с тупой подозрительностью взиравших боком на проезжавший экипаж, на длинные межи, заросшие черныбыльником, полынью и полевой рябиной; он глядел... и эта свежая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги с приземистыми дубовыми кустами, серенькие деревеньки, жидкие березы – вся эта, давно им невиданная, русская картина навевала на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства, давила его грудь каким-то приятным давлением [9. С. 59].

В «Пособии по переводу русской художественной прозы на английский язык» М. Морозова приведена версия перевода на английский язык этого фрагмента романа в лондонском издании 1947 г.:

Lavretsky looked at the fields, whose furrow, seeming to merge in the distance, resembled huge fans watched the flitting fields spreading out like a fan before him; at the broom groves as they slowly drifted past, at the silly crows and rooks which with dull suspicion looked askance at the passing vehicle, at the long ditches overgrown with wormwood and mountain ash;

he looked... and the fresh and fertile wilderness of the steppe, the bright verdure, the long hillocks, the ravines with their stumpy little oak trees, the grey little villages, the sparse thin birches, the whole of this Russian landscape, so long unseen by him, filled his soul with sweetness and sorrow that lay both light and heavy on his heart. His thoughts were slowly roving; they were as hazy and indistinct as the shapes of the clouds which also seemed to be roving high overhead [10. С. 67–68].

Следует исправить казус, который подстерег переводчика, атрибутировавшего «полевую рябину» (судя по буквальному переводу *mountain ash*) как дерево. Но общий ландшафт («загоны полей», «длинные межи») и растительные «соседи» (травянистые растения чернобыльник и полынь) не оставляют сомнений в том, что под этим диалектным фитонимом скрыта именно пижма, но никак не рябина. А упоминание пижмы под «рябиновым» псевдонимом в рассказе «Свидание», хронологически предшествующем роману «Дворянское гнездо», с очевидностью свидетельствует о знании этого словоупотребления Тургеневым.

Акулина настойчиво именует обыденное лекарственное растение поэтичным именем-уподоблением, отсылающим к богатому поэтологическому фонду рябины в фольклоре. Так или иначе актуализированной культурной памятью читателя не могла не стать общая позитивная, в частности апотропейная, репутация дерева и особенно ее феминный код, предполагающий уподобление / соположение с девушкой / женщиной.

Этнофитоним «полевая / желтая рябинка» в выявленных нами англоязычных переводах чаще всего атрибутирован как пижма и переведен ее номенклатурным названием в англоязычном ботаническом лексиконе – *tansy*. Это название восходит к *tanacetum* – латинизация греческого *athansia* – отрицание Танатоса, бессмертие: подобно цветкам бессмертников, сухие соцветия пижмы сохраняют желтый цвет. В южных англо-саксонских графствах времен королевы Елизаветы молодые листья пижмы считали ценной весенней зеленью, их употребляли во время Великого поста для очищения организма. Пудинг и омлеты с пижмой, подаваемые к

столу в пасхальные дни, символизировали горечь и скорбь, но в то же время воскресение и весеннее пробуждение природы.

Таким образом, лингвокультурная информация, закреплённая за пижмой в англоязычной традиции, явно имеет иное направление, чем этнофитоним «полевая рябинка». Следуя ботаническому буквализму, эта версия попутно жертвует национально-культурным колоритом исходного текста. Возможно, стоило поискать в английском ботаническом лексиконе среди синонимов лекарственных растений дендронимические уподобления либо применить прием описательного перевода. Наконец, напомним, что пижма имеет в английском ботаническом лексиконе метафорический синоним *buttons*, т. е. «кнопочки». Такая версия перевода выглядела бы более релевантной, будучи хотя бы частично эквивалентной поэтичности этнофитонима «полевая рябинка».

В переводе К. Гарнетт (отметим: не с русского оригинала, а с французского перевода) был использован функциональный аналог пижмы по ее лекарственной репутации – *milfoil*, т.е. тысячелистник:

– What have you got there? ...flowers? Added he, sitting closer to her.

– Yes, flowers, replied Akoulina mournfully; I gathered some *milfoil* for myself, pursued she, arranging them a little; they are very good for the calves. I have some *plantain* too, some *bidents*... to cure *scrofula*. But look at this curious flower, I never saw such a plant as that, never one with such a shape. Here are some *germanders*... But see what I've got for you, added she, drawing from the heap of yellow *bidents* a little bunch of pretty wild *corn-centauries*, tied round with a blade of grass; will you take them?

Victor stretched out his hand with an effort, took the bouquet, passed it carelessly over his face several times, and commenced fingering the *corn-centauries* with his eyes on the trees before him. <...>

I got home, and enjoyed excellent sleep, as I always do. But it was a long time before I got the image of the poor Akoulina out of my mind; and the *corn-centauries*, long since faded, with the *germanders* surrounding them, still remain in my cabinet («The assignation») [11].

Cp.: There is some I gathered some field-*milfoil*, she continued, brightening a little: it is good calves [12. P. 232].

Русское название «подорожник», как пишет Н.И. Анненков, «заимствованное, но употребительное в большей части Великой России» [13. С. 5], относится к фитонимам с числовым мотивом. Значение числительного 1000 в этом фитониме неоднозначно. Ср.: «что светков многого, и не сошшишаш, сколь их тамо-ка» [14. С. 195]. Поэтому иногда «тысяча» в названиях заменяется на другие числительные: столлистник, сорокалистник, пятидесятилистка, ср. серб. столика, столистац [13. С. 5].

Выбранный переводчиком английский фитоним *milfoil* также буквально означает «тысяча листьев» (из ст.-фр. *milfoil* от лат. *mile*-, *millefolium*, форма *mile*-, *mille* 'тысяча' + *folium* 'лист', после греч. *muriophullon* (*murios* 'мирады', *phullon* 'лист')). Это название связано с ботанической латынью и восходит к видовому обозначению растения (Ахиллея тысячелистная). Мотивационным признаком названия стала структура листьев, многократно рассеченных, отчего создается впечатление их множества. Но это название – не из разряда обыденных или народных. В то же время фонд английских этнофитонимов для этого растения богат и ассоциативен. В частности, можно выделить группу названий, апеллирующих к лекарственным свойствам растения, а именно его кровоостанавливающим и ранозаживляющим возможностям. Часто такие названия имеют «военный» акцент: *Herbe Militaris*, *Sanguinary*, *Bloodwort*, *Soldiers woundwort*. Ср. культурологическую ориентацию немецкого фитонима *Achillenkraut* – «трава Ахиллеса», французских фитонимов *Herbe á la coupure* – «трава от пореза», *Sourcil de Vénus*, т.е. «бровь Венеры» (молодые зеленые побеги), немецкого *Katzenschwanzel* «кошачий хвостик» и словацкого *Myši chvostik* – «кошачий хвостик»; чешского *Zajecí chleb*; *Husi jazysek*; словацкого *Panny Márie kúpel'* – «ванна (как процедура) Девы Марии»; русского и украинского этнофитонима «девичьи пупки», а также русского «маточник», «порезная трава», «кровеник», «рудометка», «порезница», «грызня трава», «растиральник», «носочистка», «женский деревей», «белоголовец», «красноцветка» (красный в значении красивый), «золотень» (указывает на ценность растения), «пижмочка», «гусиная гречка», «белая кашка», «змеиная трава» и наконец «рябинка» (см.: [15]).

Мотивацией замены пижмы, выбор которой для своего пучка крестьянка Акулина поясняла «практически» («это для телят хорошо»), на тысячелистник могла стать его репутация как фуражной культуры: с 1842 г. его широко использовали при закладке многолетних пастбищ, в том числе и потому, что он не боится вытаптывания, а его целебные свойства возбуждают аппетит и укрепляют пищеварительные органы скота.

Таким образом, тысячелистник совпадает с пижмой по лечебной и «кормовой» репутации, сходен и их габитус: перисторассеченные листья и верхушечные соцветия с плоскими цветками. Но избранный переводчиком английский фитоним нивелирует этническую поэтологию русского диалектного названия растения «полевая рябинка», семантика которого в рассказе Тургенева удвоена фольклорными «рябиновыми» коннотациями.

Интересен выбор переводчиком этнофитонима для пижмы в переводе на болгарский язык – «вратика», что означает «вертеться»:

– Цветя – отговори тъжно Акулина. – Откъснах си полска вратика – продължи тя, като малко се оживи, – за телетата е добра. А това е редушка – против скрофули. Я вижте какво чудно цвете; такова чудно цвете досега не съм виждала. Ето незабравки, а това са мамини душички... А това набрах за вас – прибави тя, като извади изпод жълтата вратика малко букетче синички метличини, превързани с тънка тревица, – искате ли? [16. С. 244].

Дело в том, что пижма имела широкое применение в магии у славян с целью возвращения возлюбленного. В.Б. Колосова в своей работе «Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект» приводит описание такого южнославянского обычая: девушка делает из теста с пижмой колечко, высушивает его на солнце. После нужного заговора она должна сквозь него посмотреть на парня, чтобы завоевать его расположение. По другой версии, «девушка тайком смотрела на юношу, который ее оставил, сквозь венок из пижмы» (см.: [17. С. 176]). Здесь же приводится описание чешской традиции, сделанное В. Махем: «Цветочку этому народ приписывает такую способность, что

с помощью его может благополучно домой возвратиться тот, кто выйдет в путь. Поэтому советуют человеку, который отправляется из дому, чтобы сорвал себе пижмы. В моравской песне говорится: «Еще себе нарву пижмочки, вернись ко мне, вернись, пригожий паренек» [17. С. 177]. Именно с этими верованиями этнолингвисты увязывают большое количество диалектных названий пижмы у славян с корнями врат- / врот- со значением «вертеться», «вращаться», «возвращаться»: словен. чеш. словац. *vrateč*, *vratečka*, *vratuč*, пол. *wrotycz*, *wrotysz*. В болгарской традиции название пижмы – вартика, влатлика, вратига (повсем.), а также вратика – пароним к слову въртя се «вертеть(ся)», поэтому пижма используется, чтобы «вертелись парни около девушки» [Там же. С. 176].

Обратимся ко второму метафорическому псевдониму, которым Акулина завершает свой перечень – «маткина-душка».

Наши разыскания выявили литературный прецедент использования этого фитонима. В.А. Жуковский в своей повести «Марьяна роща» (впервые опубликована в «Вестнике Европы» за 1809 г.) делает образ этого цветка лейтмотивным и многофункциональным¹. Один из фрагментов текста с очевидностью свидетельствует о знакомстве писателя с народной этимологией фитонима: «Молодые сельские девушки любили слушать Услада, когда он простыми стихами прославлял весну... или изображал приятность маткиной-душки, которой запах он сравнивал с милою душою чадолюбивой матери» [19. С. 342].

Тематическая мотивированность избранного героиней «материнского» названия растения очевидна: оно косвенно корреспондирует с признаниями Акулины в сиротстве: «Хоть бы доброе словечко мне сказали на прощанье; хоть бы словечко мне сказали, горемычной сиротинушке...»; «И что же со мной будет, что станет со мной, горемычной? За немилую выдадут сиротиночку... Бедная моя головушка!» [8. С. 247]. Речь Акулины отсылает к поэтическим формулам свадебной поэзии, в частности к причитаниям невесты-сироты. Ассоциация с несчастливой девичьей долей, за-

¹ См. об этом в нашей монографии [18].

ложенная в «рябиновом» псевдониме пижмы, подхвачена и продолжена аллюзийностью этноботанического названия с «материнской» доминантой.

Поясним его происхождение. Колоритно-славянское по фонетике и словообразовательным моделям, оно восходит, как выяснили лингвисты, к латинскому источнику: *matris animula* происходит из Севильи и восходит к VI в. Как отмечает В.Б. Колосова, не являясь родными, «материнские» названия широко распространились у славян: пол. *macierzyszka*, чеш. *materi douška*, *materie dauska*, рус. *materduszka*, *matkina duška*, луж. *babduška*, бел. мацержанка, мацердушка, укр. чепчик-матерзанка, русин. материнка, србх. Мајкина душица, материна душа, болг. майчина душица, материна душица, материка, матерка, србх. матерка, материнка, мајчина душица [17. С. 82].

Атрибуция растения с поэтично-трогательным «материнским» псевдонимом вариативна. Называют минимум три растения, носящие это имя: тимьян (чабрец), мята и душистая фиалка. Два первых – душистые травы, третье – цветок.

Такое имя эти растения получили на разных основаниях и за разные качества. Так, В.Б. Колосова, со ссылкой на этноботанические очерки М. Хенслевай, указывает, что тимьян заслужил имя-уподобление *macierzyszka* за свое матерински-исцеляющее действие: «Тимьян, что в сильной тошноте... и других тяжелых случаях, когда кажется, что уже душа тело покидает, дает быструю помощь и душу, как бы убежавшую, возвращает, и становится как мать, укрепляющая силы сердечные и оживляющая тело» [Там же]; ср. английское название тимьяна – *Mother of Thyme* [13. С. 355].

Когда тимьян (чабрец) был оценен за свои лекарственные качества (его использовали при лечении женских болезней, ванны с этой травой принимали замужние женщины, желающие иметь потомство) и глубоко вошел в культуру славян, название подверглось показательному конкретному переосмыслению: «душка» стала толковаться как обозначение душистого растения, а эпитет «материна» указывал на матку (женский орган): так, по мнению М. Фасмера, *macierzyszka* означает растение, которое влияет

своим запахом на «utrzymanie macicy w spokoju»; по мнению Й. Ростафиньского *macierz* означает матку, а *duszka* – благовоние, *macierzaduszka* означает растение, душистый настой которого полезен для матки [17. С. 82].

Народная фантазия не могла пройти мимо такого соблазнительно-сюжетного фитонима и дала ему истолкование в аспекте природной реинкарнации. Эти этиологические легенды исходят из иного, чем в целительной версии, толкования словосочетания: «маткина» – принадлежащая матери, «душка» – «душа». По одной из версий (болгарская легенда и сказание из Крушевца), душистый цветок стал воплощением души умершей матери для опечаленных детей: он вырос на ее могиле, куда дети приходили каждый день и горько плакали; однажды, вновь придя туда, они нашли очень красивый душистый цветок – это мать отозвалась на слезы своих опечаленных детей. По другой версии (известны чешский и словацкий варианты), такой цветок вырос на могиле матери из слез девочки-сироты [Там же. С. 83].

Мята и душистая фиалка получили имена «маткина-душка» и «материнка» из-за их аромата: «Ароматный фиалковый запах обличал в сочной траве притаившийся цветок, еще весь обсыпанный блестящими каплями росы» («Маленький герой» Ф.М. Достоевского). Согласно «Ботаническому словарю» Н. Анненкова фиалку душистую называли «маткиной душкой» в родной Тургеневу Орловской губернии, и там же сходно – «материнкой» – мяту [13. С. 381–382].

Однако Тургенев предпочел конкретной атрибуции этнофитоним, ассоциативный фонд которого был ему необходим для дальнейшей пролонгации в тексте мотива сиротства Акулины.

Наиболее близко перевел этнофитоним Дж. Раск (James Rusk), используя прием частичного калькирования, который позволил сохранить часть лингвокультурной информации, а именно передать «материнский» смысловой вектор фитонима – «mother-darling»:

"What have you got there?" he added, moving closer to her; "flowers?" – "Yes," Akulina responded dejectedly. "That's some wild tansy I

picked," she went on, brightening up a little; "it's good for calves. And this is bud-marigold – against the king's evil. Look, what a funny flower! I've never seen such a funny flower before. These are forget-me-nots, and that's mother-darling. And these I picked for you," she added, taking from under a yellow tansy a small bunch of blue corn-flowers, tied up with a thin blade of grass. "Do you like them?" [11].

Эту версию повторили Н. и Ч. Хэпбёрн:

"Yes", answered Akulina sadly. "This I picked from a wild costmary," she went on, with somewhat more animation, "it's good for calves. This one's marigold – good against scrofula. Then look at this wonderful flower; such a wonderful flower as I've never seen in all my days. These are forget-me-nots, and this one's called mother's darling. And these are for you," she added, taking out, from below the yellow costmary, a small bunch of blue cornflowers bound with a slender grass. "Would you like them?" [20. P. 266].

И все же частичное калькирование этнофитонима, сохранив «материнский» вектор семантики, редуцировало принципиальную для нее и текстового семиозиса базовую сему «душка / душа».

Другие переводчики решили пойти по пути ботанической атрибуции этнофитонима «маткина-душка», поэтому букет Акулины конкретизировался в одной версии душистыми фиалками (Violets):

I have been plucking some wild tansy, – she went on, after a brief pause: It's good for the calves. And this here is a good remedy for scrofula. See, what a wonderfully beautiful flower! I have never seen such a beautiful flower in my life. Here are forget-me-nots, and here is a violet. And this, here, I got for you, – she added, drawing from beneath the yellow tansy a small bunch of blue corn-flowers, bound together with a splendor blade of grass: Will you take them? [21. P. 138–139].

А в другой версии конкретизация обернулась мятой (Mint):

That's some wild tansy I picked, she went on, brightening up a little; it's good for calves. And this is marigold – against the king's evil. Look, what a nice flower! I've never seen such a nice flower before. These are forget-me-

nots, and that's mint. And these I picked for you, she added, taking from under yellow tansy a small bunch of blue corn-flowers, tied up with a thin blade of grass. Do you like them? («The tryst») [22. P. 258].

Однако фиалка не совпадает с букетом Акулины по календарной приуроченности (начало осени – «около половины сентября»), так как прочно ассоциируется с весенним хронотопом как его ольфакторная примета: «Так обаятелен этот чудный запах леса после весенней грозы, запах березы, фиалки, прелого листа, сморчков, черемухи, что я не могу усидеть в бричке» («Отрочество» Л.Н. Толстого). Поводом для выбора мяты из трех претендентов мог стать не в последнюю очередь тот факт, что вид «мята перечная» был выведен в XVII в. из диких форм именно англичанами и долгое время имел обозначение «мята английская».

Завершает линейку выявленных нами переводов этнофитонима «маткина-душка» версия с его исключением из текста: переводчица оставила только «лекарский» комментарий Акулины: «And this here is a good remedy for scrofula» (перевод Изабель Хэпгуд) [21. P. 139].

В рассказе «Касьян с Красивой Мечи» народный травознавец упоминает череду и подорожник, аттестуя их как «чистые травы – божиин»: «А есть... есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травы – божиин» [8. С. 118].

Сравним переводы:

But there are... yes, there are herbs, and there are flowers; they are of use, of a certainty. There is plantain, for instance, a herb good for man; there is marigold too; it is not sinful to speak of them: they are holy herbs of God (перевод К. Гарнетт) [11].

Ср. другие переводы:

But there are... there are grasses and flowers; that help, certainty. Take the marigold, for instance – there is a herb that is good for man; there is plantain, too; there is no shame in speaking of that: they are wholesome herbs, herbs of God (перевод Ч. и Н. Хэпбёрн) [20. P. 127].

But there... there are herbs, there are flowers: they help, it's true. There's marigold, there's one, a kindly herb for curing human beings; there is the plantains, too; there is nothing to be ashamed of in talking about them – good clean herbs are of God's making (перевод Р. Фриборна) [23. С. 134].

Take, for instance, bur-marigold; a herb usefull to man; than again there is plantain also («Kazian») (перевод Э. Рихтера) [24. С. 83].

bur-marigold... a good weed for man; here's the plantain (перевод И. Хэпгуд) [21. С. 210].

Как видим, все переводчики предпочли выбрать для череды этнофитоним, сопоставляющий ее с другим лекарственным растением – календулой: череду англичане называют (bur)-marigold, т.е. «(колючая) календула». Название marigold было «говорящим»: буквальное значение «золотая Мэри / Мария». Словарь дает такую этимологическую справку: «В раннем употреблении часто мн. ч. *marygoulden*, *marygoldes*; форма собственного имени *Mary* (вероятно, относится к деве Марии) + диал. *gold*, др.-англ. *golde*, возможно, родственно *gold*. Ноготки названы именами, содержащими *gold* и *Mary*, и в других языках, таких как дат. *goldbecem*, нем. *goldblume*, ср.-ниж.-нем. *marienblome*, ср.-дат. *Marienbloemkijn*» [25. С. 113]. «Приписывание» календулы Деве Марии имело следующие основания: в Англии издавна эти «золотые» цветы выращивали в монастырских садах и использовали для украшения алтаря [26. Р. 139].

Таким образом, выбранный переводчиками этнофитоним не повторял семантику русского фитонима, но, в то же время, будучи текстовым маркером аллюзийного мотива религиозной направленности, транслировал важную для оценки персонажа рассказа информацию, выражающую отношение Касьяна к своей миссии народного травознавца-«лекарки» («чистые травы – божи»).

Этнофитоним *plantain*, дружно выбранный переводчиками для подорожника, почти тождественно транслировал семантику привычного русского названия, связанного с темой «дороги». Большая группа русских диалектных названий в основе имеет лексемы «дорога» или «путь»: подорожник, дорожник, попутник (в большей части России), придорожник (калуж.), путник (вят.), путик (твер.)

[13. С. 258–259; 27. С. 122]. Целебные свойства подорожника отражены в русских фитонимах второй группы: лечебник, лечебная трава, а также доктор (зафиксировано в Орловской губернии). Другие фитонимы связаны с названиями болезней, от которых он помогает: в народной медицине листья подорожника прикладывают «к ранам, вередам, нарывам» [13. С. 259], отсюда названия «ранник» (также характерный для орловских говоров), опопреэ-трава (тул.). Впечатляющее число болезней в «послужном списке» подорожника породило даже легенду, что он может и смерть одолеть.

Этимология английского фитонима, известного с XIV в., тоже восходила к теме дороги, хотя и опосредованно-метонимически: «от ст.-фр. *plantain*, устаревш. *-ein*, = прованс. *plantage*, исп. *plantem*, португ. *tanchagem*, рум. *patlagina*, которое от лат. *plantagine*, и. п. *plantago*, ж. р. *planta* ‘пятка’, названо так за свои широкие стелющиеся листья» [25. С. 128].

Подводя итог нашим размышлениям над культурологическим аспектом художественного перевода и обобщая конкретные наблюдения над разнообразной степенью сохранения или элиминации национально окрашенной культурной информации в процессе перевода произведений И.С. Тургенева, мы пришли к выводу о необходимости дальнейшего теоретического обоснования и практической разработки системной текстовой стратегии, которой должен придерживаться переводчик, сталкиваясь с переводом национально окрашенных реалий, воплощенных этнофитонимами. Она предполагает при переводе этнофитонимов, текстовый семиозис которых отличается пролонгированностью и функциональной значимостью, учет и предварительный анализ контекстно-композиционного окружения, диктующий выбор стилевой доминанты перевода, которая и определит степень возможной культурной адаптации.

Очевидна необходимость нейтрализации лингвоэтнической асимметрии, создаваемой различиями национальных культур, и на этом пути почти неизбежна культурная трансформация, границы которой должна определять бережная, сбалансированная культурная адаптация, подчиненная выбранной переводчиком текстовой стратегии лингвокультурной трансляции.

Литература

1. Алексеева М.Л. Проблема лексической безэквивалентности в науке о переводе: исторический, теоретический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 47 с.
2. Васильев С.К. Лингвистический и культурологический анализ текста оригинала для перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 22 с.
3. Войнич И.В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 19 с.
4. Гончар Н.Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 21 с.
5. Гусаров Д.А. Языковое выражение смысла в условиях лингвостнического барьера: прагматический аспект немецко-русских и англо-русских переводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 17 с.
6. Тимко Н.В. Фактор «культура» в процессе перевода. Курск, 2007. 163 с.
7. Etnobotanika: Materiały I Ogólnopolskiego Seminarium Etnobotanicznego. Kolbuszowa 19–20 VII 1980. Wrocław, 1985. 147 s.
8. Тургенев И.С. Записки охотника // ПССиП : в 30 т. М., 1979. Т. 3. 526 с.
9. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. Накануне. Первая любовь. 1858 – 1860 // Тургенев И. С. ПССиП : в 30 т. М., 1981. Т. 6. 395 с.
10. Морозов М.М. Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык. М., 2009. 336 с.
11. Turgenev I. A Sportsman's Sketches. London, Heinemann, 1897. Translated by Constance Garnett. [Note: translation corrected and names modernized by James Rusk.] URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/turgenev/ivan/index.html> (дата обращения: 30.11.2018).
12. Turgenieff I. Annals of a Sportsman. N. Y., 1885. Translation Franklin Pierce Abbott. 311 p.
13. Анненков Н.И. Ботанический словарь. СПб., 1878. 674 с.
14. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. 233 с.
15. Панасенко Н.И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа). Черкассы, 2010. 451 с.
16. Тургенев И.С. Записки на ловца. София : Народна култура, 1955. Переведе от руски Васил Каратеодоров. 346 с.
17. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009. 350 с.
18. Шарафадина К.И. Floro-поэто-Logia // Литература в синтезе искусств : в 3 т. СПб., 2012. Т. 2. 596 с.
19. Жуковский В.А. Сочинения : в 3 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 3. 621 с.

20. Turgenev I. A Sportsman's Notebook. London, 1992. Translated by Charles and Natasha Hepburn. 391 p.
21. Turgenev I. Memoirs of a Sportsman. N.Y., 1903. Translation Isabel F. Hapgood. 307 p.
22. Turgenev I. A Hunter's sketchers. Moskow, 2000 (1 – 1955). Translation from the Russian Olga Shartse. 349 c.
23. Turgenev I. Sketches from a hunter's album. London penguin books, 1990. Translated by Richard Freeborn. 403 p.
24. Turgenev I. Tales from the notebook of a Sportsman. London, 1895. Translation Edward Richter. Series I. 247 p.
25. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Фитонимы. М., 2012. 187 с.
26. Wells D. 100 Flowers and How They Got Their Names. 1997. 257 p.
27. Словарь русских народных говоров. СПб., 1994. Вып. 28. 433 с.

TEXT SEMIOSIS OF ETHNOPHYTONYMY AND THE PROBLEM OF ITS CULTURAL ADAPTATION IN TRANSLATION (A CASE STUDY OF I.S. TURGENEV'S WORKS)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 5–23.

DOI: 10.17223/23062061/18/1

Sharafadina Klara I., St. Petersburg University of Humanities and Trade Unions (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: belkaklara@mail.ru

Key words: theory and practice of literary translation, ethnophytonymy, linguo-ethnic asymmetry, culture-bound issues of translation, cultural transformation and adaptation.

The article focuses on cultural translatability of ethnophytosis, i.e. plant vocabulary with a pronounced national flavour used in fiction. In her overview of translations from I.S. Turgenev (*Date* and *Kasyan from Krasivaya Mecha* from the series *A Hunter's Sketches*, the novel *Home of the Gentry*), who was known for his particular interest in ethnorealia, the author compares translations into English with phytonyms in other languages (German, French, Czech, Bulgarian, and Slovak). In particular, she examines the botanical, ethnomental and folklore content of dialect phytonyms 'polevaya ryabinka', 'matkin-dushka', used by the characters of the cycle, folk herbalists Akulina and Kasyan from *Krasivaya Mecha*, and the associative fund of synonymous or equivalent phytonyms from the botanical lexicon of the target culture. Using a variety of translation techniques (transliteration, loan translation, description, functional analogues), the translators either translate or neutralize or modify the national and cultural semantics of ethnonyms. The ethnofitonym 'matkin-dushka' is translated with the attributive botanical denotates 'violet' and 'mint', losing the original ethno-poetics of the Russian phytonym. The ethnofitonym 'polevaya ryabinka' corresponds to the functional analogue 'yarrow', which reflects only a utilitarian medical part of the plant's reputation. On the contrary, the ordinary phytonim 'chereda' is translated with the English synonym "barbed calendula / bud marigold, thus receiving unexpected ritual and cult

connotations, appropriate in the further Herbalist Kasian's reasoning about the "god's" herbs. Basing on this analysis, the author raises the question of a systemic textual strategy the translator must adhere to when translating national realities. It implies taking into account the context and compositional environment in translating ethnorealia with the textual semiosis distinguished by latency and prolongation. There is an obvious need to neutralize the linguo-ethnic asymmetry created by differences in national cultures, but inevitable cultural transformation should result in an alternative of a careful, balanced cultural adaptation.

References

1. Alekseeva, M.L. (2016) *Problema leksicheskoy bezekvivalentnosti v nauke o perevode: istoricheskiy, teoreticheskiy i leksikograficheskiy aspekty* [The problem of lexical non-equivalence in translation: Historical, theoretical and lexicographical aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
2. Vasilyev, S.K. (2010) *Lingvisticheskiy i kul'turologicheskiy analiz teksta originala dlya perevoda* [Linguistic and cultural analysis of the text of the original translation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Voynich, I.V. (2010) *Strategii lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta pri perevode* [Strategies of linguocultural adaptation of artistic texts in translation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.
4. Gonchar, N.G. (2009) *Asimmetriya v perevode khudozhestvennogo teksta: etnolingvokul'turnyy aspekt* [Asymmetry in translation of an artistic text: The ethno-linguistic and cultural aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
5. Gusarov, D.A. (2013) *Yazykovoe vyrazhenie smysla v usloviyakh lingvoetnicheskogo bar'era: pragmaticheskiy aspekt nemetsko-russkikh i anglo-russkikh perevodov* [The linguistic expression of meaning in the context of a linguistic and ethnic barrier: The pragmatic aspect of German-Russian and English-Russian translations]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Timko, N.V. (2007) *Faktor "kul'tura" v protsesse perevoda* [The factor of "culture" in translation]. Kursk: Kursk State University.
7. Paluch, A. (ed.) (1985) *Etnobotanika: Materialy I Ogolnopolskiego Seminarium Etnobotanicznego* [Ethnobotany: Materials of the First All-Poland Ethnobotanical Seminar]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
8. Turgenev, I.S. (1979) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 30-ti tomakh* [Complete Works and Letters. In 30 vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
9. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 30-ti tomakh* [Complete Works and Letters. In 30 vols]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
10. Morozov, M.M. (2009) *Posobie po perevodu russkoy khudozhestvennoy prozy na angliyskiy yazyk* [A Handbook on Translation of Russian prose into English]. Moscow: R. Valent.
11. Turgenev, I.S. (1897) *A Sportsman's Sketches*. Translated from Russian by C. Garnett. London, Heinemann: [s.n.]. [Online] Available from: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/turgenev/ivan/index.html>. (Accessed: 30th November 2018).

12. Turgenieff, I. (1885) *Annals of a Sportsman*. Translated by F.P. Abbott. New York: Kessinger Publishing.
13. Annenkov, N.I. (1878) *Botanicheskiy slovar'* [The Botanical Dictionary]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
14. Konovalova, N.I. (2000) *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of folk names of plants of the Urals]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
15. Panasenکو, N.I. (2010) *Fitonimicheskaya leksika v sisteme romanskikh, germanskikh i slavyanskikh yazykov (opyt onomasiologicheskogo i kognitivnogo analiza)* [Phytonymic vocabulary in the system of Romance, Germanic and Slavic languages (onomasiological and cognitive analysis)]. Cherkassy: Brama-Ukraina.
16. Turgenev, I.S. (1955) *Zapiski na lovetsa* [A Hunter's Sketches]. Translated from Russian by V. Karateodorov. Sofia: Narodna kultura.
17. Kolosova, V.B. (2009) *Leksika i simbolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and symbolism of the Slavic folk botany. The ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik.
18. Sharafadina, K.I. (2012) Floro-poeto-Logia. In: Domanskiy, V.A., Kafanova, O.B. & Sharafadina, K.I. *Literatura v sinteze iskusstv: v 3 t.* [Literature in the Synthesis of Arts. In 3 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.
19. Zhukovskiy, V.A. (1980) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
20. Turgenev, I. (1992) *A Sportsman's Notebook*. Translated by Ch. and N. Hepburn. London: Everyman.
21. Turgenev, I. (1903) *Memoirs of a Sportsman*. Translated by I.F. Hapgood. New York: Charles Scribner's Sons.
22. Turgenev, I. (2000) *A Hunter's Sketches*. Translated from Russian by O. Shartse. Moscow: [s.n.].
23. Turgenev, I. (1990) *Sketches from a Hunter's Album*. Translated by R. Freeborn. London: Penguin Books.
24. Turgenev, I. (1895) *Tales from the Notebook of a Sportsman*. Translated by E. Richter. London: Lamley And Co.
25. Savenko, A.S. (2012) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' russkogo i angliyskogo yazykov: Fitonimy* [Russian and English Motivational Comparative Dictionary: Phytonyms]. Moscow: URSS.
26. Wells, D. (1997) *100 Flowers and How They Got Their Names*. 6th ed. Algonquin Books.
27. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1994) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Issue 28. St. Petersburg: Nauka.